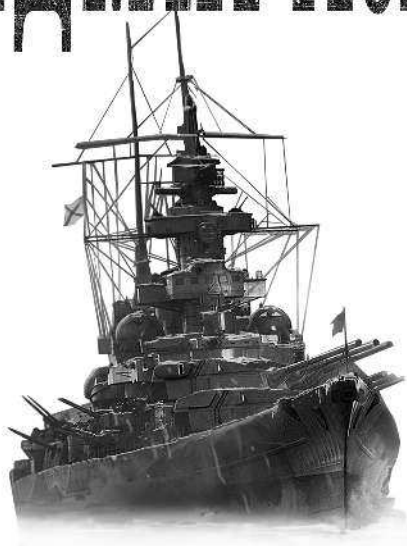

Военная фантастика

коллекция

Михаил Михеев

АДМИРАЛ

Адмирал

Заморский вояж

Страна рухнувшего солнца

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М69

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

М69 Михеев, Михаил Александрович

Адмирал: Адмирал. Заморский вояж. Страна рухнувшего солнца: сборник / Михаил Михеев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 816 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-111475-6

Если вы стоите перед выбором жизнь или смерть — ответ очевиден. Но вот как прожить доставшиеся тебе годы и что совершить, зависит от тебя. И вот ты в стане врагов, ты один из них. Как предотвратить войну, как спасти миллионы соотечественников, если именно тебе предстоит вести на них броненосные армады? Разве что попробовать сыграть в собственную игру, вот только... хватит ли у тебя сил, Адмирал?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111475-6

© Михаил Михеев, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Адмирал

Вы безумно элегантны
На паркетах и коврах.
И к лицу вам аксельбанты,
И к лицу вам черный фрак.
Вы — везучий, ох, везучий! —
Словно нет на вас пальбы...
И все решат, на всякий случай,
Что вы — Баловень Судьбы!
И все решат, и все решат...
А, может — правда?

Алькор. Баловень судьбы

Соленые брызги на лице... Откуда они? Рефлекторный жест, стирающий их со лба, — и удивление. Рукав из жесткой материи. Какой рукав? Пижаму он не надевал, не любил их с детства, и даже сейчас отказался, лежал в майке. Впрочем, сейчас он стоит. Почему стоит? И почему так холодно? И откуда, черт побери, брызги? Лишь после этого вопроса он открыл глаза.

Перед ним было море. Огромное, холодное, без малейших признаков голубизны. Серые и тяжелые, как свинец, волны перекатывались отчего-то бесшумно. Нет, не бесшумно, просто их шелест заглушал глубокий, ровный гул, идущий почему-то из-под ног. В этот момент его качнуло, и он еле устоял на ногах.

— Герр адмирал, вам нехорошо?

Он на несколько секунд замер, вслушиваясь в себя, и не понимая, что здесь еще не так. И лишь секундой позже осознал — вопрос был задан не по-русски. Немецкий, да — он его никогда не учил, но, было дело, сталкивался с бошами и отличить их язык от английского или французского мог вполне. Но главное, он не только смог узнать его, но и понял, что ему сказали, причем так, словно немецкий язык был ему родной...

Медленно обернувшись, он обвел глазами стоящих позади него людей. Их оказалось неожиданно много, одетых в незнакомую черную форму с витыми погонами. Погоны он узнал — в фильмах о войне видел. Такие погоны носили... немцы? Да, немцы. Фашисты. А еще он понял вдруг, что перед ним не только море, а еще и палуба корабля, утыканные орудиями пирамиды надстроек и, как апофеоз, жуткие в своем бронированном совершенстве орудийные башни. И в этот момент он вспомнил все!

Рак. Последняя стадия. Этот диагноз Иван Павлович Колесников воспринял почему-то спокойно. В конце концов, если тебе далеко за восемьдесят, к вопросу жизни и смерти начинаешь относиться философски. Тем более если пережил не только жену, но и детей, внуки где-то далеко и разве что звонят по праздникам, а сама жизнь не только не легкая, но и совсем небогатая. Скорее даже, наоборот. Впрочем, чего еще ждать математику и кандидату наук, всю жизнь преподававшего в провинциальном вузе и не дотянувшему к пенсии даже до профессора? Да ничего. Оставалось только привести в порядок дела (завещание написать да за коммуналку заплатить) и спокойно ждать конца.

В больницу не клали долго, да он и не настаивал. Только когда боль стала такая, что не получалось уже терпеть, он обосновался в небольшой палате, рассчитанной на четверых, но вмещающей почему-то шесть кроватей. И там, под храп соседа и шлепанье засаленными картами двух других, он и стал ожидать конца. В конце концов, оставались считанные дни, врачи это даже не скрывали.

В тот день он понял, что — все. Как? Да просто ничего не болело. Ремиссия — он читал про это. Уставший организм в последние часы отдает все резервы, некоторым это даже кажется признаком выздоровления, но на самом деле так ощущается первое дыхание смерти. Сколько осталось? Да несколько часов, вряд ли больше, но пока что его это не волновало. Пользуясь моментом, он отдыхал.

В этот момент и пришел Рабинович. Классический такой Рабинович, с круглой, окаймленной венчиком кучерявых волос, лысиной, пейсами, массивным висячим шнобелем и прочими атрибутами истинного еврея. Впрочем, Ивана Павловича и раньше это не волновало, а сейчас тем более. Да и знакомы они с Рабиновичем были, кажется, целую вечность. В институт пришли одновременно, были ровесниками и коллегами, хотя работали на разных кафедрах. Вдобавок, жили по соседству, через подъезд, и, хотя друзьями их никто не считал, хорошими знакомыми, которые не только здороваются при встрече, но и имеют об-

щие интересы и вполне могут запросто зайти друг к другу в гости, чтобы посидеть за бутылочкой чего-то крепкого, они были. Так что Колесников даже обрадовался — в конце концов, хоть попрощаются. Да и вообще, это был первый человек, который навестил его за полуторанедельное пребывание в больнице.

— Ну что, Иван, как здоровье? — Рабинович выглядел бодро. Он вообще, в отличие от многих евреев, никогда и никому не демонстрировал вселенскую скорбь и не считал, что весь мир ему должен на том основании, что он ведет свой род от какого-то Моисея.

— Нормально, завтра умру. Или, может, сегодня, ближе к вечеру.

— Ну, ты давай не спеши. И вообще, такими вещами не шутят.

— Да я и не шучу, — пожал плечами Колесников. — Просто знаю.

— Еще пожить хочешь?

— Если так, как сейчас, то боже упаси.

— А здоровым, бодрым и наглым?

— Шутник ты, Соломоныч.

— Не шутник. Ладно, ходить можешь?

— Сегодня могу.

— Вот и хорошо, пойдем тогда, покурим. Тебе уже, наверное, все можно.

Они стояли в выстуженной морозом, заплеванной курилке, где нормальным людям не хотелось задерживаться даже на минуту, и Рабинович излагал ему свой план. Фантастика, смешанная с идиотизмом, еще год, да что там, пару месяцев назад иного эпитета от Колесникова эта затея и не удостоилась бы. Но сейчас — дело иное. В конце концов, Рабинович предлагал ШАНС! Зыбкий, убегающе малый, но все же шанс. От такого грешно отказываться. Не баре, чтоб харчами перебирать. Всего-то и надо, что из больницы уйти. Врачам наплевать, а триста метров до дому он как-нибудь пройдет. И Колесников согласился, логично рассудив, что хуже уже не будет.

Стакан крепкого чая. Последний — в жизни или здесь, уже не важно. Неспешный разговор. Тоже последний. А потом жесткая койка, к которой Рабинович его буквально прикрутил. На всякий случай — вдруг задержается, оборвет провода... Оно надо? Последний взгляд на старомодный, перечеркнутый длинной трещиной, белый потолок. А теперь закрыть глаза. Процесс еще не начался, можно просто полежать, отдохнуть — усталость навалилась, словно тяжелое бревно. Он знал, что это такое — в железнодорожных войсках когда-то служил, и при прокладке новых дорог приходилось, в том числе, и лес пилить. Сейчас ощущения были очень схожие, но, как ни странно, ничуть не мешающие думать.

То, что предложил ему Цезарь Соломонович, и впрямь походило то ли на безумие, то ли на ненаучную фантастику. Тем не менее, в изложении старого еврея звучало все чертовски убедительно. Да чего уж там, умел Рабинович убеждать, именно поэтому, когда требовалось что-то продать, к ректору всегда посылали именно его. И он шел, смиренно сидел в приемной, потом выдерживал начальственный ор — и получал, что требовалось. При этом никогда не забывая про собственный гешефт. Однако гешефт этот, как правило, заключался в чем-нибудь вроде тортика или коньяка, которые потом всеми вместе дружно и употреблялись. За это Рабиновичу прощали и выразительную внешность, и картавость, и даже полное нежелание ставить нужные оценки детям нужных людей. А самое интересное, он всегда и со всеми ухитрялся оставаться в хороших отношениях. Как? Про то знал только он сам и навыками делиться не спешил.

И кто бы мог подумать, что у насквозь рационального Рабиновича имеется некая страстишка. Причем не тайная — он просто ее не афишировал, а потому никто не обращал на нее внимания. Колесников, к примеру, точно не подозревал. Да и знал бы — так что с того? Кто-то интересуется чужими женами, кто-то рыбалкой... Рабинович любил фантастику.

Какой уж выверт сознания заставил его увлечься идеей о переселении сознания, не вспомнил бы теперь, наверное, даже он сам. Какая книга подтолкнула к этому, «Звездные ко-

роли» Гамильтона, «Дом скитальцев» Мирера или еще какая, тоже. И уж никто бы не подумал, что преподаватель задрипанного вуза из глубинки не только займется изысканиями (как раз такое вполне могло быть, люди, бывает, зацикливаются на всякой ерунде и тратят массу сил на ее воплощение в жизнь), но и добьется успеха. Во всяком случае, теоретически. Но, тем не менее, эксперименты на животных прошли успешно, и тут весьма удачно подвернулась двуногая мышка, которой нечего терять.

Правда, когда Цезарь Соломонович поделился с ним определенными нюансами процесса, Колесников решил, что тот окончательно поехал с катушек. Как оказалось, старому еврею пришлось, для начала, решить вопрос, мучающий всех фантастов и кучу восторженных юношей — о путешествии во времени. И ведь решил! Кто бы мог подумать, что Рабинович — гений? А все почему? Да потому, что переселение сознания, согласно его расчетам, оказалось возможным только в прошлое. И, кстати, не абы в какое, а в строго определенные точки. Правда, какая будет конкретная точка, вычислить можно было только весьма приблизительно. На вопрос, чем именно эти точки отличаются от других, Рабинович лишь спросил: «Тебе это надо?» И впрямь, не надо, так что вопросов Колесников больше не задавал, придя к выводу, что изобретатель и сам не все до конца понимает. Главное — они есть, эти точки, и наиболее подходящая (точнее, та, на перемещение до которой гарантированно хватало энергии) находилась в конце тридцатых годов двадцатого века. Не самое приятное время — но все же лучше, чем ничего. Главное, войну пережить, а там уж как-нибудь образуется.

Во-вторых, перемещенного можно было отслеживать. Как? Об этом Рабинович тоже не распространялся. Можно — и все тут. И этим отслеживанием он намерен был заняться, экспериментатор хренов. И вовсе не из любви к науке, а чтобы впоследствии самому перебраться туда и начать новую жизнь. Впрочем, почему бы и нет?

В-третьих, и едва ли не главных, сознание не просто перемещалось. Ему требовался новый носитель. А вот подсадить

его абы в кого не получалось, требовался человек, генетически схожий по определенным критериям. Проще говоря, родственник, можно дальний. Это, конечно, накладывало определенные моральные ограничения, но, с другой стороны, семиюродный дядя пятнадцатиюродной тети родственник только формальный. Так что Колесникову оставалось лишь согласиться. Вот и лежал он теперь с проводами на висках, думал... А потом яркий свет, короткая страшная боль — и вот уже он летит по радужному тоннелю...

Он сидел в роскошной адмиральской каюте, пил крепкий кофе и размышлял. Тот факт, что адмирал затребовал кофе в неурочное время, наверняка кое-кого удивил — но не насторожил. В конце концов, адмиралы отличаются от простых смертных тем, что имеют право не обращать внимания на подобные мелочи. Даже самые пунктуальные из них. Вот и оставалось сидеть да размышлять, благо никто не мешал.

Итак, вот ведь угораздило попасть не куда-нибудь, а в тело адмирала Лютьенса, и не когда-нибудь, а во время боевого похода. Счастье еще, что исчезло только сознание немца. Навыками и памятью прежнего владельца этого тела он мог пользоваться так же легко, как и своими, а то бы живо попал в ласковые руки докторов. Хотя, конечно, интересно, как он, чистокровный сибиряк, очутился в теле немецкого офицера? Ну да это, честно говоря, дело не десятое — сотое. Мало ли с каким бравым казаком могла согрешить прабабка адмирала во время наполеоновских войн, к примеру? Да и вообще, русские гуляли по Европе не так уж и редко. Случалось, торговали, случалось, воевали, так что пути генетики неисповедимы.

Хуже другое. Адмиралу уже за пятьдесят. Не так уж много времени он, выходит, себе прибавил. Хотя, с другой стороны, все равно лучше, чем ничего. К тому же тело в хорошем состоянии, лет тридцать протянет, если за ним следить. Только вот незадача, на дворе-то война!

Колесников не считал себя знатоком истории, но Пикуля почитывал. Можно сказать, на его книгах интерес к военно-

морской истории и возник, и Лютьенс самым краешком в этот интерес вписывался. Не сильно, однако же кое-что в памяти отложилось. В том числе и тот факт, что долго адмиралу не протянуть. Весной сорок первого года он выйдет в рейд на линкоре «Бисмарк» и отправится с ним вместе на свидание с акулами. Перспектива не самая завлекающая. И прежде, чем думать о долгой и счастливой жизни, да и вообще строить хоть какие-то планы, требовалось решить этот вопрос, причем, желательно, радикально.

А вообще, Рабинович, конечно, гений, но морду ему стоило бы набить. Хотя бы за то, что перед самой войной подсадил в тело врага. Пускай и не со зла, пусть даже случайно. Впрочем, может статься, такая возможность еще представится.

Колесников откинулся на спинку дивана, потер ноющие виски и, уже проваливаясь в дремоту, подумал, что пора одеваться — надо было идти на мостик, оценить, кто есть кто, не только с позиций знаний адмирала, но и своих собственных. И заодно осмотреть корабль, освоиться на нем — в конце концов, линейный крейсер «Шарнхорст» и его систершип «Гнейзенау» в боевом походе, и что будет дальше — предсказать довольно сложно.

Волны представляли для крейсера едва ли не большую опасность, чем гипотетические вражеские корабли. Как только ветер крепчал, носовую часть «Шарнхорста» буквально заливало, и уже не раз случались проблемы с электрооборудованием, которое со страшной силой закорачивало. Однако укрыться от шторма не имелось никакой возможности — согласно диспозиции, наиболее мощные боевые корабли недавно возрожденного буквально из небытия германского флота должны были располагаться именно здесь, обеспечивая прикрытие войск от возможного появления британского флота. Шла операция «Учения на Везере», и сейчас немецкие солдаты брали под свой контроль Норвегию и Данию. Бои шли не то чтобы очень яростные, но, теоретически, все висело на волоске. И лишь Колесников знал точно, что сейчас, в этом маленьком эпизоде большой войны, немцы победят.

Откровенно говоря, захват этих стран выглядел по всем статьям логичным. Хотя бы потому, что они уже давно де-факто находились под британским управлением. Во всяком случае, в области внешней торговли уж точно. И терпеть запрет ввоза через Норвегию той же шведской руды Германия не могла себе позволить. Да и англо-французские войска на территории этих стран могли появиться в любой момент, поэтому формальный повод для удара, пускай с натяжкой, присутствовал. Учитывая же сильнейшие пронацистские настроения в Норвегии, был неплохой шанс не просто оккупировать эту территорию, но и, в перспективе, получить лояльное население, а значит, промышленность и новых солдат. В общем, игра стоила свеч.

План, разработанный германским командованием, был хорош. Вот только страдал он тем, что и большинство планов немецкого генштаба, — в нем все было продумано настолько четко, что практически не оставалось места для импровизации. Соответственно, как только что-либо начинало идти не так, сразу же возникали серьезные проблемы, а с оперативным реагированием на них у немцев получалось так себе. Спасали же, как правило, действия командиров низшего звена — от комвзвода до командира батальона. Эта молодежь, выкормыши нацизма, обладала немаловажным достоинством — была не столь зажата старонемецкими, имперских еще времен, догмами. Соответственно и действовать они могли не только дисциплинированно, но и куда инициативнее, чем офицеры старой школы, хотя, может, и не столь умело. Не все, конечно, но таких тоже хватало, а вкупе с традиционно хорошей подготовкой солдат это давало убойный результат, который ощущали на себе по очереди все армии Европы.

Тем не менее, пока что импровизации сводились к неизбежному минимуму. Потомки викингов оказывали на удивление слабый отпор захватчикам. Точнее, какие-то их подразделения сражались и храбро, и умело, но большинство предпочитало ограничиться формальными действиями. К тому же отменно сработали десантники, сумевшие захватить аэродромы и нейтрализовать норвежскую авиацию.

В общем, победа была у немцев в кармане, но крутилось в голове у Колесникова воспоминание о том, что еще ничего не закончено и потери у немецкого флота здесь будут бешеные. От кого — ясно, британцы расстараются. Не норвежский же флот отметится, частью уничтоженный в море, а частью захваченный прямо в портах. Англичане. Но вот как это произойдет, Иван Павлович не помнил. Не сохранила память когда-то мельком читанные нюансы, да и голова болела знатно. Все же перенос для него бесследно не прошел.

— Адмирала просят прибыть на мостик!

Колесников несколько секунд недоуменно смотрел на адъютанта и только потом сообразил, что адмиральские уши привычно отбросили все приличествующие истинным немцам формальности. Затем кивнул, чуть замедленными движениями (не освоился еще с моторикой нового тела) оделся. Ну что же, назвался груздем — держи пальцы веером, а то съедят и не подавятся. Придется командовать — именно этого от него сейчас ждут. Ну а легкую неадекватность поведения спишут на недомогание, он об этом уже всех предупредил. Никто и не удивился, кстати, все же в зимнем штормовом море торчать на открытом всем ветрам мостике для здоровья чревато. Доктор выдал даже какую-то дрянь от простуды. И, кстати, это наводит на интересные мысли, ведь чтобы посреди ночи выдернуть из постели больного адмирала, требуются веские основания. Неужели началось?

Убедиться в том, что мысли ему в голову сегодня приходят исключительно правильные, Колесников смог уже через несколько минут. Доклад командира «Шарнхорста», капитана первого ранга (мозг автоматически перевел кэпитэн цур зее в привычную систему единиц) Курта Цезаря Хоффмана был по-немецки четок и лаконичен. Бравый и достаточно молодой для своей должности офицер (а что поделать, военный флот Германии от гигантских размеров времен кайзера ужался до нынешних, относительно несерьезных, и потому конкуренция между офицерами подчас была дикая) вполне профессионально обрисовал ситуацию. На радарх крупный объект, движется в их сторону. К германскому флоту отношения,